

СОЦИОЛОГИЯ ХАНСА ЙОАСА

Автор: Л. Г. ТИТАРЕНКО

ТИТАРЕНКО Лариса Григорьевна - доктор социологических наук, профессор кафедры социологии Белорусского государственного университета (E-mail: Iarisa166@mail.ru).

Аннотация. Дан анализ творчества немецкого социолога Ханса Йоаса - теория социального действия, теория развития и социального порядка. Социология Йоаса рассматривается как неопрагматистская парадигма в плюралистическом поле социального знания.

Ключевые слова: социальная теория * социальное действие * креативность * контингентность * генезис ценностей

Введение. Прагматизм рассматривался в отечественной литературе по преимуществу как американская философия, представленная трудами Чарльза Пирса, Уильяма Джеймса, Джона Дьюи. Их основная идея - признание практики критерием истинности. В мировой социологии такой подход был преодолен Ю. Хабермасом в работах 1970-х гг. по интересусубъективности. В 1980-е гг. Р. Рорти "сделал больше всех, чтобы реабилитировать философию американского прагматизма" [Йоас, 2010: 76]. К концу XX в. неопрагматизм развивался и в социологии как один из многих "поворотов", характеризующих современный этап развития социальных наук [см. Романовский, 2007; Хархордин, 2007]. *Неопрагматизм* - одна из активно конкурирующих парадигм в поле социального знания, что делает его исследование актуальным.

Неопрагматистская парадигма в европейской социологии связана, прежде всего, с именем немецкого социолога Ханса Йоаса. Он не только вновь открыл идеи праг-

матизма в конце 1970-х гг., но и развил их на европейской почве, соединив с немецкими интеллектуальными традициями. Йоас создал версии теории социального действия (в начале 1990-х гг.), а затем теории социального развития (2000-е гг.). Теория социального действия представлена Йоасом в монографии "Креативность действия", вышедшей в Германии в 1992 г. (русский перевод: 2005) [Йоас, 2005]. Как полагает автор, ему удалось преодолеть слабости прежних теорий действия, создать логически непротиворечивую типологию социальных действий и выявить присущую всякому действию креативность (понимание Йоасом креативности раскрывается ниже)¹. Разработка неопрагматистской социальной теории Х. Йоасом реализована в его книгах; ни одна из них пока не переведена на русский язык.

Два основных источника неопрагматистской социологической парадигмы - прагматизм и герменевтика. Оба соединены Йоасом в процессе тщательного анализа трудов представителей Чикагской школы и переосмысления на этой основе традиционных проблем немецкой социальной философии. В статье "Возникновение универсализма: позитивная генеалогия" он указывает: "Нет сомнений, что философия прагматизма и философская герменевтика оказали влияние на классическую социологию" [Joas, 2009: 15], имея в виду именно работы представителей Чикагской школы (У. Томаса, Р. Парка, Дж.Г. Мида, Ч. Кули) и символического интеракционизма. Однако даже в США прагматизм оставался до 1960-х гг. маргинальным подходом, не говоря о Европе, где "традиционное чувство культурного превосходства по отношению к США на долгое время помешало серьезному восприятию идей прагматизма в философии и социальных науках" [Joas, 2009: 15].

Что объединяет эти направления, почему они оба стали основными источниками неопрагматистской социологии Йоаса? Прежде всего, общий акцент на текучести, изменчивости, ситуативности социальных процессов, на социальном характере "Я" как субъекта, на собственно субъектном аспекте всякого действия и процесса. Главной чертой социологической теории Йоаса является "акцент на креативном характере человеческого действия - со всеми последствиями, которые оно имеет для проблем теории действия, от мотивации до восприятия и вопросов возникновения социального порядка из креативных достижений людей" [Joas, 2009: 16].

Развивая свою версию неопрагматистской теории социального действия, Йоас выводит ее за ограниченные микроуровнем рамки символического интеракционизма. Его понимание социального действия отлично также от Парсонса, Хабермаса и других авторов, работавших на макроуровне. Йоас пытается дать интегрированное понимание социального действия, показать его креативность и направленность на решение проблем, которые хабиитуализируются в практике и ведут к изменению образцов действия. Таким образом, он выводит теорию социального действия на уровень макросоциологии и связывает ее с возможностью демократического решения проблем модернизации общества, чего, по его мнению, не было в немецких традициях, которые он изучал [Йоас, 2010: 113].

Главное достижение европейского неопрагматизма, связанное с работами Йоаса, - удачный синтез немецких социально-философских традиций и идей американского прагматизма. Такой подход позволил переосмыслить многие проблемы. Как утверждает Йоас [Йоас, 2005: 15], соединение немецких интеллектуальных традиций с прагматизмом позволило по-иному рассмотреть традиционные для европейских парадигм проблемы понимания (герменевтика), социальной справедливости (марксизм), религиозной веры в современном обществе (веберизм). Йоас поставил во главу угла творческий, созидательный элемент человеческого действия, будь то по-

¹ Разработка Йоасом неопрагматистской теории реализована в его книгах: "Прагматизм и социальная теория" [Joas, 1992] (нем. изд. 1992, англ. 1993), "Генезис ценностей" [Joas, 2000] (1997 и 2000), "Война и современность" [Joas, 2003] (2000 и 2003), "Война и ценности" [Joas, 2000] (2000), "Религия и оспариваемая модерность" [Joas, 2010] (2010) и др. Его позиция проявляется также в работах, вышедших под редакцией [Honneth, Joas, 1988; Camic/Joas (eds.), 2004; Joas/ Wiegandt (eds.), 2008]. На русский язык, кроме монографии, переведены 4 статьи.

вседневная реальность, религиозные практики или чрезвычайные ситуации войны и революции. Понимаемую таким образом креативность можно считать присущей каждому человеку как потенцию, развивающуюся в конкретной ситуации действия.

История вопроса. Йоас (р. 1948 г.) изучал социологию, философию, историю и немецкую литературу в Мюнхенском университете, затем с 1971 г. - в Свободном университете Берлина, где получил степень бакалавра (1972) и доктора (1979) социологии (хабилитация - 1981). Работал в институте человеческого развития им. Макса Планка. С 1985 г. Йоаса приглашают читать лекции в университеты Америки (Чикаго, Мэдисон-Висконсин, Блумингтон, Нью-Йорк, Торонто) и Европы (Вена, Упсала); он активно работает в международных социологических организациях (Международная социологическая ассоциация, Международный институт социологии), в редколлегиях ряда журналов. С 2002 г. Йоас занимал престижный пост директора Центра Макса Вебера (Max Weber Kolleg für kultur- und sozialwissenschaftliche Studien) при Эрфуртском университете, много сделав для его успеха. В 2010 г. Йоас удостоен Лумановской премии университета Билефельда, в 2011 г. - избран академиком Венской академии наук.

Йоас объясняет, что пришел к прагматизму в ходе поисков новой социальной теории, адекватной современности, начатых в студенческие годы, когда ни марксизм, ни критическая теория, ни символический интеракционизм не могли (по разным причинам) дать достоверные ответы на "вызовы современности" [Йоас, 2010: 112]. В условиях возросшей "неопределенности" общественного развития старые теории не сумели объяснить, каким образом индивид активно включается в жизнь современного общества, находит ответы на множество противоречивых вопросов, возникающих перед ним, при этом не ощущал себя марионеткой судьбы или системы. Именно прагматизм, ядром которого, по мнению Йоаса, является творческая природа человеческого действия, помог ему построить собственное здание в социальной теории.

Теоретическая "встреча" с прагматизмом была обусловлена стечением обстоятельств учебы Йоаса в Берлине, когда ему посоветовали обратить внимание на работы Джорджа Герберта Мида. В творчестве Мида Йоас нашел то, чего ему не хватало в немецкой философско-социальной традиции и что выпукло присутствовало в прагматизме - во-первых, "телесная практическая человеческая интересубъективность", во-вторых, "креативное измерение" [Йоас, 2011: 13]. Признание изначальной креативности человеческого действия привело его к выводу о креативности самих социальных процессов, поскольку они конструируются и протекают с непосредственным участием человека, субъекта действия [Joas, 1983]. Однако это не означает, как иногда трактует литература [см.: Здравомыслов, 2007: 123], что развитие неопрагматизма тождественно американизации немецкой социальной теории. Как утверждает Йоас, он "никогда не стремился к тому, чтобы просто импортировать прагматизм в Европу; он должен был не заменить исконно немецкие традиции, а дать им новый импульс к развитию" [Йоас, 2005: 5]. Иначе говоря, Йоас преследует цель не заменить прежние теории действия, а интегрировать их [Йоас, 2005: 7].

Теория социального действия. Что не устраивало Йоаса в классической рациональной теории действия Макса Вебера и его последователей? Прежде всего, абсолютизация рационализма как такового, навязывание аналитической схемы "цель-средства" как идеальной, по которой развивается социальное действие; три остальных типа действия сравниваются с этим идеалом (включающим рациональные цели, средства и результаты действия) как чем-то не соответствующие ему. Веберовский подход получил полное развитие в теории рационального выбора Дж. Коулмена [см.: Coleman, 1990; Rational choice theory, 1992]. Теория действия Парсонса синтезировала четыре разных теории действия, включая веберовскую, но в ней за рациональность принята нормативность [Parsons, 1937 (1968)]. Ненормативные действия Парсонс игнорирует. По мнению Йоаса, такой подход не в состоянии "адекватно объяснить проблемы креативной спецификации ценностей и норм в ситуации действия" [Йоас, 2005: 7]. Теория коммуникативного действия Хабермаса также не достигает поставленной

цели, поскольку автор сосредоточился на коммуникативном действии, тогда как, с точки зрения Йоаса, необходимо было бы выделить специфические черты креативности действия во всех его видах, в том числе, в социальном.

Рационалистический подход к действию уже подвергался критике. Луман в ранней работе "Понятие цели и рациональность систем" [Luhmann, 1968] показал, что в современных сложных системах собственно рациональный (*т.е. оптимальный*) выбор ни цели, ни средств невозможен. Поэтому рациональность ограничена селективным выбором субъекта действия. По мнению Йоаса, эта критика "базируется на феноменологических концепциях и, особенно, на прагматистской теории действия, развитой Дьюи" [Joas, Beckert, 2004: 269 - 285]. Иначе говоря, ключ к пониманию действия, альтернативного рациональному, надо искать в прагматизме, согласно которому *цели, как и средства, не выбираются до начала действия, а проясняются и постоянно корректируются в процессе действия*. Взаимодействие целей и средств структурирует действие, которое осмысливается и понимается не априорно, а лишь в процессе действований. Речь идет об интенциональности, но не об априорной заданности цели. Приняв это допущение, надо изменить понимание действия в целом, включая мотивацию действия, управление действием, постановку целей. Изменяется понимание себя и мира: мир существует не только как внешняя среда для "Я" - он структурируется нашими возможностями к действию и нашим предшествующим опытом действия. Конечно, добавляет Йоас, речь в данном случае идет об уровне индивидуального действия; на мезо- и макроуровне действует "не один макросубъект с высокой степенью способности управлять всеми социальными процессами, а учреждение или институциональная коллективная организация, которая имеет дело с последствиями индивидуальных действий и с моделями таких последствий" [Йоас, 2010: 119]. Йоас критически относится ко всем теориям коллективного действия [см.: Йоас, 2005: 220 - 252]. Только в случаях, когда отдельный человек сам обладает существенной властью, ресурсами, статусом, он тоже может реально изменять мир, влияя на него своими действиями.

Закономерен вопрос: почему до Йоаса никто - даже Парсонс и Хабермас - не обратил внимания на то, что действия человека не укладываются в предложенные схемы рациональности, нормативности или коммуникативности? Йоас видит возможную причину в том, что теории действия основывались на признании картезианского дуализма духа и тела: дух выбирает цели и диктует их телу, которое затем осуществляет действие. У Йоаса процесс размышления над целями действия и само действие не обязательно разделены во времени: оба могут протекать одновременно. Человек еще до постановки цели имеет устремления, которые соотносит с оценкой ситуации и выбором стратегии действия в ситуативном контексте. Понятие "ситуация", по Йоасу, может заменить схему "цель-средство" в качестве первой фундаментальной категории теории действия, т.к. именно в конкретной ситуации действия происходят процессы восприятия и познания, ставятся или меняются цели и средства [Йоас, 2005: 178]. Действие интенционально; "если действие понимается как погруженное в до-рефлексивную соотнесенность с ситуацией", мотивы не будут выступать причинами действия; "мотивы и планы следует рассматривать как результат такой рефлексии, а не как реально действующие причины действия" [Йоас, 2005: 179]. Таким образом, "ситуативные вызовы" требуют постоянной креативности решений, а не бездумного следования заранее принятой цели.

Критически анализируя две другие скрытые предпосылки рациональной модели действия (инструментальность тела и автономность субъекта действия), Йоас выдвигает два других допущения, которые адекватны его пониманию действия. Во-первых, он доказывает, что субъект не всегда может контролировать свое тело в ситуации действия, т.е. использовать его "как инструмент". Например, когда человек смеется, плачет, краснеет от стыда, он хотя бы частично теряет контроль над своим телом [Йоас, 2005: 188]. Во-вторых, вообще способность человека к действию возникает на основе того, что у него еще в детстве формируется определенная "телесная схема", осознание своего тела. Тело человека дорефлексивным образом ориентировано на

определенные действия и отношения к миру, а сознательный контроль над телом не является чем-то само собой разумеющимся.

Следующий аспект анализа - признание не автономности, а изначальной социальности субъекта действия. Человек никогда не бывает полностью автономен по отношению к окружающей его среде и людям. Субъект действия изначально социален: он всегда учитывает предметы и людей вокруг себя [Йоас, 2005: 204]. В этой методологической посылке Йоаса вполне четко прослеживаются влияние прагматизма и символического интеракционизма с их акцентом на ситуацию, которая определяет и мыслительные акты, и побуждения, и поступки отдельного человека.

Таким образом, Йоас вносит существенные поправки в схему анализа социального действия, реконструировав три "скрытых" измерения, которые не принимались во внимание авторами рациональных теорий действия:

* во-первых, отказ от телеологичности действия, признание нетелеологического характера интенциональности человека. Это означает, что не следует понимать намеренное действие как целевое действие: хотя в действиях реализуются желания и стремления субъекта, они корректируются ситуацией внешних обстоятельств и подвергаются постоянному пересмотру, переосмыслению в процессе реализации самого действия [Йоас, 2010: 165];

* во-вторых, изменение понимания значения телесности в действиях человека, конструирование "телесной схемы", "образа тела" [Йоас, 2005: 185], что связано у Мида с развитием коммуникативных способностей ребенка, а у взрослого индивида является результатом "интерсубъективного процесса конституирования" [Йоас, 2005: 203];

* в-третьих, первичная социальность субъекта, в связи с которой раздвигаются символические границы его Я и понимание Другого [Йоас, 2005: 205].

Предпринятая Йоасом реконструкция предпосылок рациональной модели действия дала возможность понять необходимость учета телесности субъекта действия, его изначальной социальности, а также креативности процесса действия как единства мышления, "репетиций в воображении" и самого действия. В ходе взаимодействия субъекта действия с другими людьми постоянно происходит переосмысление ситуации действия, что требует креативного согласования средств и целей, создавая возможность возникновения новых ценностей.

Раскрывая "современную феноменологию креативности" [Йоас, 2005: 286], Йоас показывает отличие своего понимания от креативности у Ницше. Ницше трактует её как качество, присущее только элите общества и проявляемое в чрезвычайных обстоятельствах. У Йоаса креативность потенциально присуща каждому человеку и проявляется постоянно. Далее. Если у Ницше самокритика приводит к разрушению креативности; Йоас придерживается противоположной точки зрения: критика и самокритика-условия развития креативности субъекта [Йоас, 2005: 136; 13, с. 114].

Креативность действия как таковая не может трактоваться оценочно, т.е. как позитивная или негативная его черта: последнее решается в каждом конкретном случае с учетом всех условий действия [Йоас, 2005: 218]. Поэтому теория Йоаса направлена против функционализма, эволюционизма и прогрессизма: рост креативности не указывает на поступательность развития, и наоборот, дифференциация и развитие процесса не всегда креативны. Другими словами, Йоас говорит о "двойственности идеи креативности в культурных течениях времени" [Йоас, 2005: 220]. Строительство лагерей смерти было "креативным" изобретением нацизма, но эта креативность была направлена негативно. Очевидно, что не каждое рациональное управленческое решение будет оптимальным в конкретной ситуации и тем более однозначно "прогрессивным". Это важное следствие понимания креативности действия для теорий управления и организации действий. Креативность является инструментом достижения целей, выбираемых людьми (в частности, Йоас говорит о развитии демократии, прав и достоинства человека), но не целью самой по себе. Можно использовать креативность для развития демократии, прав человека, но не меньше примеров, пишет Йоас, можно привести в подтверждение негативного использования креативности. "Креативность

как таковая с этой точки зрения не является чем-то хорошим (или плохим); существует много причин для похвалы в адрес рутины, а картины перманентной эстетической или политической креативности порой являются картинами ужаса и превышения человеческих возможностей. Является ли определенное креативное действие хорошим или плохим, может быть решено только в рамках дискурса" [Йоас, 2005: 218].

Наглядным примером двойственности креативности является ее использование в рыночных условиях. Последователь Йоаса, Йенс Беккерт, создал целую прикладную теорию экономического действия, в которой показал, что современный рынок не оставляет места для подлинно целерациональных действий. Условия сделок меняются каждую минуту, ситуация диктует новые решения, поэтому экономические действия на рынке, скорее, контингентны, чем рациональны. Хотя акторы в экономическом поле по-прежнему стремятся к выгоде, они постоянно должны учитывать целую совокупность факторов, не поддающихся точному анализу в каждой конкретной ситуации и проявлять изобретательность, интуицию в своих действиях [Beckert, 2002]. В этом смысле рынок - модель креативного действия.

Теория креативности действия получила высокую оценку в западной социологии. Ч. Камик назвал книгу Йоаса "Креативность действия" "огромным вкладом" в теоретическое осмысление действия, который "достоин сравнения со "Структурой социального действия" Парсонса" [Camic: 283], Н. Гросс оценил ее как "один из самых важных вкладов в теорию действия в последние десятилетия" [Gross, 341], а К. Кэмпбелл - как "очень значительный труд", захватывающее и креативное теоретическое осмысление действия [Campbell, 1998: 1067]. Были и критические оценки: Б. Далтон предложил соединить теорию креативности действия Йоаса с концепцией габитуса Бурдьё [Dalton, 2004: 603]; Валлерстайн настаивал на дополнении процессуального анализа креативности, проделанного Йоасом, поиском "субстантивной рациональности", лежащей в основе действий [Wallerstein, 2004: 319].

Теория социальных изменений. Разработка Йоасом теории социальных изменений также начинается с критики популярных теорий в этой области. Прежде всего он критикует теории модернизации и дифференциации и показывает, что в социологии XX в. уже нет места идеям эволюционизма и линейного прогрессизма, популярным в XIX в. Изменился мир: его невозможно рассматривать линейно. На примере анализа феномена войны Йоас демонстрирует иррациональность многих ситуаций, связанных с войной, отсутствие "объективной необходимости" в войнах, в итоге - их контингентность [Йоас, 2010: 118]. Только у историков, пишущих о минувших войнах, всегда имеются четкие причины каждой войны и объяснение их последствий. В реальных ситуациях так не бывает. Войны могут быть непредвиденными, они могут открывать непредвиденные возможности, требующие от участников креативности [Йоас, 2000: 49 - 86]. В результате войн начинаются новые макросоциологические процессы, которые опровергают идею линейного хода истории. Поэтому теория социальных изменений должна учитывать креативность, проявляющуюся в ходе войн, - негативную или позитивную.

Если исходить из теории креативности действия, историю нельзя рассматривать как автоматическое развертывание рационализации и дифференциации, как это делали веберовцы и парсоновцы. В истории действуют индивиды, которые, сталкиваясь с новыми ситуациями, вынуждены принимать созидательные решения, не просто руководствоваться заранее выработанной логикой. Люди сами решают, следовать ли им чужой логике, тем более абстрактной "логике системы", или принимать решения, следуя конкретной ситуации.

Пользуясь теорией социального действия как методологическим инструментом, Йоас предлагает проект неэволюционистской макросоциальной теории истории XX в. и современности [Йоас, 2005: 8]. Этот проект представлен в его книгах "Война и современность" (2000), "Война и ценности" (2000) и ряде статей. Автор хотел в этих работах не просто дать анализ войны, но показать "процесс зарождения нового" [Йоас, 2010: 115] в столкновении с тенденциями рационализации. Новым может быть институт,

нормы и правила, возникшие как результат действия. Война более чем какой-либо иной социальный процесс непредсказуема по развитию событий и своим последствиям. "Война - это тип исторического процесса, где нелегко проследить линейную эволюционистскую модель истории, когда все идет своим чередом". На примере Первой мировой войны автор доказывает, что война оказалась "неким хаотичным событием, которое изменило все". Иначе говоря, "война креативна", как бы ужасно это ни звучало. Без Первой мировой войны "не было бы большевизма или нацизма в XX столетии... Никогда бы не было большевистской революции в России. Может быть, был бы какой-то переворот, но не революция Ленина... Войны включают чрезвычайно непредсказуемые и чрезвычайно креативные процессы..." [Йоас, 2010: 118]. Йоас не преувеличивает "позитивную" креативность войны и насилия в истории. Насилие -преграда на пути к "интегрированной креативности" [Йоас, 2005: 283]. Нет никаких гарантий того, пишет он, что "благоприятное влияние войны на демократию, до сих пор столь часто имевшее место, сохранится и впредь" [Йоас, 2010: 87]. Эта мысль Йоаса важна для оценки действий США и НАТО в Ираке, Афганистане, Ливии и подобных "интервенций во имя демократии".

Отсюда - важная характеристика подхода Йоаса к общественному развитию: признание контингентности (ситуативности) современного общества, включая протекание всех его процессов. Чрезвычайно быстро выросший уровень контингентности приводит, в частности, к изменениям в сфере морали и религиозности, повышая степень индивидуализации как в принятии моральных решений, так и в религии. Объясняя смысл понятия контингентности, Йоас пишет (ссылаясь на аналогичное его понимание у У. Джеймса и Н. Лумана): "Факт является контингентным, если он не является ни необходимым, ни невозможным, т.е. чем-то, что имеет место, но чего могло и не быть" [Joas, 2004: 394]. Противоположность контингентности - необходимость. Понятие контингентности объясняет, почему в условиях современности резко увеличивается количество возможных действий индивида и к каким парадоксальным последствиям это приводит (об этом писал Зиммель в анализе жизни горожан в мегаполисе, сделав понятие контингентности социологическим и пригодным для эмпирических исследований). Возросшая контингентность "не закрывает возможности быть приверженным ценностям, но она изменяет его укорененность в структурах личности" [Joas, 2004: 397], требует гибкости и рефлексивности, свободы в приверженностях (т.е. заставляет каждого балансировать между приверженностью каким-то ценностям и осознанием их контингентности). Без этой свободы в нынешних условиях действия невозможны: люди постоянно вынуждены вновь и вновь "открывать" для себя то, что они должны делать.

Помимо социально-теоретического анализа войн, практическим применением теории социального развития Йоаса стал его анализ мировой динамики религии, который позволил ему доказать неубедительность теории секуляризации, ее непрямую связь с процессом модернизации общества и уровнем общественной морали [Joas, 2004]. Теория развития Йоаса "вписывается" в ход рассуждений представителей сравнительного исторического подхода в социологии [см.: Arnason, 2003; Eisenstadt, 2002]. В главном их выводы совпадают: не может быть общих универсальных условий, неких "паттернов влияния религии" на развитие капитализма во всем мире, т.к. каждое общество модерна имеет исторические закономерности, которые могут не соответствовать другим обществам. Например, общества демонстрируют разные, контингентно образовавшиеся, виды взаимосвязи культурных, религиозных, экономических процессов [Joas, 2004: 312].

В статье "Будущее христианства" Йоас выступает с социологической критикой тезиса о секуляризации. Он соглашается с мнением многих ученых (от Дюркгейма и Фрейда до Бергера), что религиозность населения в Европе снизилась. Однако это лишь одна из тенденций. Одновременно религиозность в католических Италии, Польше, Ирландии остается очень высокой. Религиозность выросла после распада коммунистической системы и в бывших странах этого региона. Еще больше противоречит теории секуляризации ситуация в Америке. "Никто не оспаривает "модерность" Аме-

рики, как никто не оспаривает того, что по всем показателям - какими бы спорными ни были отдельные из них - Америка показывает существенно и продолжительно более высокие уровни религиозности, чем практически все европейские общества: религиозная жизнь в Америке цветет и даже приносит множество плодов" [Йоас, 2009: 81]. Йоас подчеркивает узость подхода, ограничивающегося анализом религии в Западной Европе. Если принять во внимание быстрый рост приверженцев христианства в Латинской Америке, Африке и в Азии, становится очевидным, что идея универсальной секуляризации оказалась мифом. Принимая во внимание эти факты, а также противоположные тенденции демографического роста в более секуляризованной Европе и более религиозных Африке, Латинской Америке, Азии, Йоас приходит к выводу, что "в глобальной перспективе нет никаких причин для сомнений при рассмотрении вопроса о шансах христианства на выживание" [Йоас, 2009: 85]. Универсальность секуляризации под влиянием модернизации в современной ситуации опровергнута, т.к. не менее сильна тенденция роста религиозности (независимо от того, как ее понимать) Обе тенденции реальны: в одних странах религия идет на спад, в других наоборот [Joas, Wiegandt, 2009: 8].

В русле макросоциологии Йоас исследует проблему происхождения ценностей, которая выводит его на анализ причин, определяющих приверженность людей тем или иным ценностям. Этой проблемой занимались Вебер и Парсонс, но удовлетворительного ответа, по мнению Йоаса, не дали. В своем анализе Йоас приходит к выводу, что "возникновение ценностей связано с опытом формирования и трансцендентности человеческой самости" [Joas, 1997: 10].

Рассматривая процесс создания новых ценностей, Йоас утверждает, что в его концепции адекватнее говорить "не о создании, а о генезисе ценностей, поскольку одна из парадоксальных черт нашей приверженности ценностям состоит в том, что мы воспринимаем их не как созданные нами, а как покоряющие, притягивающие и волнующие нас" [Йоас, 2008: 507]. Во всех креативных процессах существует измерение, которое описывается в терминах "вдохновения"; "в случае ценностей только с позиции внешнего наблюдателя становится ясно, что можно рассматривать ценности как созданные. Участники таких процессов не могут чувствовать свою приверженность бытию своего собственного создания - напротив, они считают ценности открытыми или вновь открытыми" [Йоас, 2008: 507].

Как правило, ценности и приверженность им формируются в детстве и юности в процессе социализации. Вокруг ценностей складывается индивидуальная и коллективная идентичности. Это так называемый путь позитивного возникновения ценностей. Но есть и негативный путь их возникновения: ценности могут формироваться как *протест* (например, в условиях оккупации), а также в необыденных ситуациях трансцендентного опыта (религиозные ритуалы, коллективный экстаз, столкновение со смертью и т.п.). В любом случае, считает Йоас, в возникновении ценностей (и войн) *решающую роль играют случайные, непредвиденные обстоятельства*: они рождаются в конкретных ситуациях. Эмпирические исследования истории XX века во многом подтверждают контингентность формирования приверженности конкретным ценностям. И в этом вопросе Йоас следует идеям прагматизма: значение имеют не абстрактные нормы и ценности, а решение с их помощью конкретных проблем действия. Такой подход, с одной стороны, дал возможность разработать новую теорию действия, с другой - наложил определенные рамки на неопрагматистское исследование современного общества, а именно: признание "упразднения метасоциальных гарантий при создании социального порядка" [Йоас, 2005: 288]. Теперь нельзя сослаться ни на "изначальную данность" ценностей (они создаются), ни на телеологичность рациональных действий (в них всегда есть нечто нерациональное, они не телеологичны), ни на сакральные начала, предопределяющие "спасение" человечества (будь так - люди бы отказались от войн и насилия) [Joas, 2003: 182]), ни на "вечный моральный закон" (мораль, как всякая ценность, контингентна). Весь исторический процесс, включая создание социального порядка, понимается через креативную контингентность [Йоас, 2010: 118]. Таким образом, теория развития и теория порядка тесно переплетаются.

Пионером **исследования** генезиса ценностей Йоас называет Ницше, который подчеркнул роль случайности и насилия в данном процессе. Современная социология, по Йоасу, может внести вклад в "позитивную генеалогию ценностей" в двойном смысле: во-первых, изучая динамику ценностных инноваций и институционализации ценностей, т.е. исследуя генезис ценностей в хронологическом смысле, и, во-вторых, изучая этот генезис в смысле экзистенциальном. В этом случае ценности не вечны. Они возникают и исчезают в конкретных условиях. "Мы всегда должны задаваться вопросом, существуют ли сегодня те культурные силы, которые однажды сделали институционализацию ценностей возможной, появились ли новые культурные силы, которые способны компенсировать потерю ослабленных традиций, и - что еще более важно - имеется ли новый опыт, который придает новые силы старым ценностям и возвращает к жизни старые традиции" [Йоас, 2008: 509].

Исследуя историю возникновения таких ценностей, как человеческое достоинство и права человека, Йоас показал, что они возникли давно. Одни авторы связывают этот процесс с возникновением христианства, другие - с веком Просвещения, третьи - с немецкой философской мыслью [Йоас, 2011: 35]. Однако только в конкретных условиях после окончания Второй мировой войны эти ценности были закреплены в документах Организации Объединенных Наций, прежде всего - во Всеобщей Декларации прав человека. Этот факт подтверждает, что разрушительная мировая война в определенном негативном смысле способствовала институционализации прав человека (хотя и не детерминировала его), т.е. послужила контингентным фактором, способствовавшим утверждению ценностей (включая права человека) в официальный дискурс. Такой подход позволяет рассматривать войны не как "отклонение от прогрессивного хода истории", а как его составную часть.

Теория социального порядка в значительной степени так или иначе рассмотрена при анализе теории развития. Йоас считает, что теория социального порядка в определенной мере может рассматриваться как следствие теории социального действия на макроуровне. Он пишет: "Процессы коллективного действия и социальные движения вносят существенный вклад в зарождение и изменение социального порядка, но они сами также могут пониматься как формы социального порядка в процессе самосозидания" [Йоас, 2005: 221]. Эта точка зрения, сближающая теорию социального изменения с теорией социального порядка, получила, по мнению Йоаса, разработку и в работах П. Штомпки [см.: 39]. Польский социолог (на другой теоретической платформе) соединяет процессы порядка и развития, выдвигая на первый план социальные движения как акторов социальных изменений, отдельным моментом (промежуточным состоянием) которых являются **процессы порядка**. Как считает Йоас, теория травмы Штомпки - это пример соединения **исследования** воздействия болезненных насильственных факторов на процесс социального порядка, в результате которого происходят социальные изменения. Со временем вновь может установиться социальный порядок.

В конечном счете, все "три кита" тесно взаимосвязаны между собой: "действие всегда есть процесс, динамический процесс" [Йоас, 2010: 121], т.е. из теории социального действия выводится теория социальных изменений. Последняя, в свою очередь, неявно содержит и теорию социального порядка, как "промежуточную" ступень.

Подводя итоги рассмотрения социологии Йоаса, можно констатировать факт разработки им самостоятельной неопрагматистской парадигмы. Неопрагматистская парадигма имеет сложные отношения с существовавшими ранее парадигмами. Она "пересекается" с некоторыми из них (символический интеракционизм), противостоит другим (эволюционизм, функционализм) и принципиально отличается акцентом на креативности человеческого действия и вытекающей отсюда контингентности процесса социального развития. Обе отличительные черты неопрагматизма: креативность действия и контингентность развития, утверждает Йоас, являются результатом пересмотра современных **социологических** теорий и "ответом" на кризис социологии и культуры в целом, усиленный в последние десятилетия работами теоретиков пост-

модерна, которые стимулировали пересмотр Йоасом представлений о моральности и нормативности путем акцентирования идеи креативности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Здравомыслов А. Г.* Национальные социологические школы в современном мире // ОНС 2007. N 5.
- Йоас Х.* Будущее христианства // Социол. исслед. 2009. N11.
- Йоас Х.* К миру через демократию // Социология. 2010, N 3.
- Йоас Х.* Возникновение универсализма: позитивная генеалогия // Современная западная социология. Хрестоматия. Мн.: Тесей, 2008.
- Йоас Х.* Макс Вебер и происхождение прав человека. Исследование культурной инновации // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. Т. 14. N 1 (54).
- Романовский Н. В.* О современном этапе развития социологии // Социол. исслед. 2007. N 1.
- Йоас Х.* Креативность действия. СПб.: Алетейя, 2005.
- Йоас Х.* Действие - это состояние, в котором существуют люди в мире. Интервью, данное 21.09.1999 К. О. Шармеру // Социол. исслед. 2010. N.8.
- Интервью с профессором Хансом Йоасом // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. т. 14. N 1(54).
- Хархордин О. В.* Прагматический поворот: социология Л. Болтански и Л. Тевено // Социол. исслед. 2007. N1.
- Штомпка П.* Социология социальных изменений. М.: Аспект Пресс, 1996.
- Arnason J.* Civilizations in Dispute: Historical Questions and Theoretical Traditions. Leiden: E.J. Brill, 2003.
- Beckert J.* Beyond the market. The social foundations of economic efficiency. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2002.
- C. Camic / H. Joas* (eds.). The Dialogical Turn: New Roles for Sociology in the Postdisciplinary Age. Lanham, MD: Rowman and Littlefield, 2004.
- Camic C.* Reconstructing the Theory of Action. // Sociological Theory. 1998. N 16.
- Campbell C.* The Creativity of Action // American Journal of Sociology. 1998. N 103.
- Coleman J.* Foundations of social theory. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1990.
- Dalton B.* Creativity, Habit, and the Social Products of Creative Action: Revising Joas, Incorporating Bourdieu // Sociological Theory. 2004. Vol. 22, N 4.
- Eisenstadt S.N.* (ed.) Multiple Modernities. New Brunswick, NJ: Transaction Publishers, 2002.
- Gross N.* The Creativity of Action // Theory and Society. 1999. N 28.
- Honneth A., Joas H.* Social action and human nature. Cambridge: Cambridge university press, 1988.
- Joas H.* Die Entstehung der Werte. Frankfurt/M.: Suhrkamp, 1997.
- Joas H.* George Herbert Mead. Gesammelte Aufsätze. 2 Bände, Frankfurt, Suhrkamp. Bd. 1: 1980, Bd. 2: 1983); Taschenbuchausgabe 1987.
- Joas H.* Kriege und Werte. Studien zur Gewaltgeschichte des 20. Jahrhunderts. Weilerswist: Velbruck, 2000.
- Joas H.* Morality in an Age of Contingency // Acta Sociologica. 2004. v. 47 (4).
- Joas H.* Pragmatismus und Gesellschaftstheorie. Frankfurt am Main: Suhrkamp 1992.
- Joas H.* Religion und die umstrittene Moderne, Stuttgart: Kohlhammer 2010.
- Joas H.* The Changing Role of the Social Sciences. An Action-Theoretical Perspective // International Sociology. 2004, N 3.
- Joas H.* The Emergence of Universalism: An Affirmative Genealogy, in: Peter Hedstrom and Bjorn Wittrock (eds.), Frontiers of Sociology, Leiden: Brill 2009.
- Joas H.* The Genesis of Values. Chicago: university of Chicago press, 2000.
- Joas H.* War and Modernity. Cambridge: Cambridge university press, 2003.
- Joas H., Beckert J.* Action Theory // *Turner J.* (ed.) Handbook of Sociological Theory. New York: Kluwer Academic / Plenum Publishers, 2004.
- Joas H., K. Wiegandt* (eds.) Secularization and the World Religions. Liverpool university press, 2009.
- Joas H., W.Knobl.* Social Theory: Twenty Introductory Lectures, transl. Alex Skinner. Cambridge: Cambridge University Press, 2009.
- Joas H. / Wiegandt K.* (Hg.), The Cultural Values of Europe. Liverpool: Liverpool University Press, 2008.
- Luhmann N.* Zweckbegriff und Systemrationalität. Über die Funktion von Zwecken in sozialen Systemen. Mohr, Leinen, 1968.
- Parsons T.* The Structure of Social Action. A study in social theory with special reference to a group of recent European writers. 2 v. NY and London: Free Press. 1937 (1968).
- Rational choice theory / Ed. by *J. Coleman, T. Fararo.* Newbury Park: Sage Publications, 1992. *Wallerstein I.* The Actor in the Social Sciences. A Reply to Hans Joas // International Sociology. 2004, N3.
- Статья подготовлена при поддержке DAAD, research fellowship N A1104215.